

Н. Дьяконова

*Две баллады
(«Праздник победы» Ф. Шиллера
и «Торжество победителей» В.А. Жуковского)*

Жуковский опубликовал свой перевод в 1828 году, через четверть века после того, как Шиллер перешел к заключительной стадии своей работы над балладами, посвященными античной тематике. Как «Празднику победы» Шиллера (1803) предшествовало немало его стихов на античные мотивы, так же и «Торжество победителей» было подготовлено многочисленными переводами Жуковского из немецких поэтов. Интерес к культуре Германии едва ли уступает в России конца XVIII — начала XIX века тяготению к словесности Франции и других романских стран. Притягательность европейской литературы была усилена ее открытостью воздействию культуры Древних Греции и Рима, и значительное место произведений, отражающих это воздействие, было неизбежно в творчестве русского толкователя немецких поэтов.

Сопоставление двух замечательных, навек соединенных стихотворцев постоянно привлекало историков литературы; о Жуковском-переводчике Шиллера писали много и давно, его переводу баллады «Праздник победы» посвящены прекрасные страницы А.Н. Веселовского, В.М. Жирмунского, К.И. Чуковского, Е.Г. Эткинда, С.С. Аверинцева и многих других. В предлагаемой статье делается попытка более детального, педантичного сравнения двух шедевров; сравнения, преследующего не только научные, но в какой-то мере и учебные цели.

* * *

Сопоставление перевода и подлинника и обсуждение общих принципов стихотворного перевода начал сам В.А. Жуковский. В статье «О басне и баснях Крылова» (1809) он утверждает, что вдохновитель его, французский поэт Лафонтен, мог создавать произведения «неизъяснимой прелести», потому что обладал доброй душой¹. Воссоздавая на другом

языке идеи и идеалы, выстроенные поэтом-творцом, переводчик тоже должен быть творцом, созидателем нового, своеобразного искусства². С неизбежностью утрачивая многие красоты оригинала, переводчик должен создавать свои, не менее оригинальные красоты, имеющие самостоятельное значение. Воображение есть способность найти достойные, свои, себе одному свойственные замены чужим красотам³. Цитирую буквально: «Переводчик в прозе есть раб, переводчик в поэзии есть соперник»⁴; «Наполнившись идеалом в подлиннике, надо преобразить его в создание собственного воображения»⁵.

Жуковский, таким образом, сам указал историкам критерии оценки его труда. Попробуем следовать его указаниям в процессе придирчивого анализа.

Как отмечает на блестящих, при всей их краткости, страницах своего исследования Е.Г. Эткинд⁶, баллада Шиллера очень сложно построена. В 1-й и 2-й строфах противопоставлены торжество греков, после долгих лет сражений возвращающихся на родину, и горе пленных троянок, угоняемых на чужбину; за 3-й и 4-й строфами о жертвоприношениях в честь победы и о воззвании Агамемнона: пусть ликуют те, кто остался жив после всех страданий, — следует опровергающая подобное умонастроение 5-я строфа с печальным предсказанием Одиссея. Радостным словам Менелая (6-я строфа) противоречат сомнения в справедливости судьбы; внутренние противоречия заключены также в развивающих эти мысли строфах 7 и 8; строфа 10 противопоставляет славу защитника родины Гектора славе завоевателя Ахилла, провозглашенной в строфе 9; преклонение перед бессмертием доблести оспаривается в строфах 11 и 12, в которых печаль — оборотная сторона славных деяний — глушится вином, а завершается баллада скорбными словами Кассандры о преходящести всего земного, единственный смысл которого — в сиюминутных переживаниях⁷.

В полном несоответствии с традицией фольклорной баллады, насыщенной действием и прославлением доблести и любви, баллада Шиллера статична, описательна и рисует не развитие событий, а их завершение и последствия, их философское значение. Эту настроенность баллады Шиллера передал в своем переводе Жуковский, несмотря на отклонения от буквального следования оригиналу. По мнению Е. Эткинда, изменения, внесенные Жуковским, помешали ему передать философскую концепцию баллады — скептицизм выраженного ею представления об относительности всех установленных понятий «верности и вероломства»; «справедливости и несправедливости»⁸. Думаю, что Жуковский верен основной идее Шиллера — разве что еще более горестно воспринимает неустойчивость всего земного. Различие видится мне лишь в субъективности и остроте их восприятия.

Мироощущение Жуковского тем более окрашено печалью, меланхолией, сожалениями о несовершенстве вселенной, чем более поэтической (сильнее, чем у Шиллера) видится ему красота ее внешних проявлений. Соответственно переведенные Жуковским описания Шиллера более поэтичны, музыкальны, трогательны, подчеркивая его сожаления о том, какой могла бы быть, но не стала земная жизнь. Жуковский нередко прибегает к более откровенному выражению эмоций.

* * *

Начнем с заглавия. «Торжество победителей» не соответствует «Празднику победы» (Siegesfest): «Победа» безлична, но «победители» подразумевают определенных вершителей победы, испытывающих личное чувство; «торжество» гораздо сильнее, чем «праздник». Так вносится отсутствующий в подлиннике оттенок радости от поражения противника.

В первой же строфе Троя названа священным градом (который не упоминает Шиллер), а греки не «опьянены победой», а лишь «насыщены» ею. Жуковский избегает грубых деталей, сообщаемых Шиллером, о грабеже и добыче греков (die Griechen... Reich beladet mit dem Raub) и вводит мотивы лирические («желанную отчизну») и более высокие понятия («вершить тризну»), «гимн согласный» (вместо «frohe Lieder»). У Шиллера бледные троянки сидят с распущенными волосами, бьют себя в грудь, плачут о своих страданиях и гибели страны. У Жуковского описание более поэтично: илионские девы и жены идут по берегу, их ведут в далекий плен:

И с победной песней дикой
Их сливался тихий стон
По тебе, святой, великий
Невозвратный Илион!

Тут и отсутствующее у Шиллера противопоставление дикой песни и тихого стога, и эпитеты более высокие, чем «любимая земля» (geliebter Boden) и «сладкая родина» (süße Heimat). Так с самого начала сильнее, чем у Шиллера, подчеркивается драматизм великой победы.

Минуя точно переведенную 3-ю строфу, отметим характерные индивидуальные оттенки в строфе 4: Шиллер говорит только, что из приведенного из Эллады народа вернутся немногие (Von dem hergeführten Volke bracht er wen'ge nur zurück); Жуковский утверждает, что пали благороднейшие. Так появляется новый оттенок, новый повод для меланхолических раздумий. За точно переведенной строфой 5 следует принципиальное отклонение в строфе 6. Как отмечает К.И. Чуковский⁹, пуританизм Жуковского не позволяет ему воспроизвести нескромные слова Шиллера о

том, с каким восторгом Менелай обнимает прекрасное тело вновь обретенной жены (...und striekt / Um den Reitz des schönen Leibes / Seine Arme hochbeglückt). У Жуковского Менелай только стоит возле Елены.

В строфе 7 Жуковский склонен к отвлеченно философским истинам: повторяя мысль Шиллера о том, что счастливым легко верить в правильность решения богов, русский поэт сильнее подчеркивает их несправедливость («Суд их часто слеп бывал»):

Сколько бодрых жизнь поблекла!
Сколько низких рок щадит!
Нет великого Патрокла,
Жив презрительный Терсит.

Придуманные Жуковским эпитеты усиливают мысль Шиллера о своенравии Фортуны. За этим своеобразием он, поправляя оригинал, склонен видеть волю Зевеса — то есть выражение закономерности злого рока. Шиллер призывает удачливых веселиться, Жуковский добавляет к этому совет избегать ненужных сомнений («не тревожа сердца втуне») — то есть вносит оттенки, в тексте отсутствующие.

После безукоризненной точности строфы 8 Жуковский в 9-й проявляет самостоятельность по отношению к своему источнику: он опускает упоминание Шиллера о вине, налитом Неоптолемом, — эта подробность кажется ему лишней, — но он вводит имя Ахилла, не названное Шиллером, хотя можно догадаться, что Неоптолем обращается именно к нему. Это не единственный случай и, как мне кажется, он свидетельствует о «педагогической» направленности мысли Жуковского, всегда озабоченно доступностью публикуемых им текстов.

Озабочен он и доходчивостью нравственного урока, заключенного в его произведениях. Так, Шиллер говорит о высшем благе славы, переживающей тех, кто завоевал ее; Жуковский подчеркивает вечную жизнь тех, кто заслужил любовь делами:

Von des Lebens Gütern allen	Жить в любви племен делами
Ist der Ruhm das höchste doch.	Благо первое земли.

Усиление морального начала характерно для Жуковского-переводчика. Иногда он добивается этого афористической краткостью, достигаемой употреблением разных грамматических форм:

Denn das ird'sche Leben flieht,	Жизнь живущих неверна,
Und die Toten dauern immer.	Жизнь отживших неизменна.

В своей версии Жуковский дает более гуманистическую, чем у Шиллера, мотивировку обращения к врагу греков Гектору. Немецкий поэт объясняет, что хотя победитель больше достоин славы, но и о Гекторе зря

(«Все великое земное разлетается, как дым»), Жуковский отбрасывает мысль Шиллера о вечности богов: «Nur die Götter bleiben still» — и от имени Кассандры, без опоры на текст оригинала, произносит мрачное пророчество:

Нынче жребий выпал Трое,
Завтра выпадет другим.

Шиллер печально говорит о заботах, неотступно преследующих всех, кто пускается в путь на коне или корабле, и заканчивает: «Завтра мы всего этого не выдержим, так дайте же нам жить сегодня»:

Um das Roß des Reiters schweben
Um das Schiff die Sorgen her;
Morgen können wir's nicht mehr,
Darum laßt uns heute leben.

Совсем иначе заканчивает балладу Жуковский:

Смертный, силе нас гнетущей
Покоряйся и терпи;
Спящий в гробе, мирно спи,
Жизнью пользуйся, живущий.

Если Шиллер из размышлений о хрупкости всего земного заключает, что остается только радоваться сегодня, то переводчик призывает к покорности непостижимым высшим силам; те, кто еще живы, да пользуются непрочными благами. При общности основной посылки выводы поэтов различны: принципу «живи, пока можешь и хочешь» противостоит «терпи и пользуйся выпавшим тебе временем».

* * *

Даже расхождение перевода и подлинника последней строфы не позволяет, с моей точки зрения, говорить о замеченном Эткиндом существенном расхождении взглядов автора и переводчика. Жуковский не забывал о своей задаче — передать главное направление мысли оригинала. Разделяя скорбь Шиллера о быстротечности и неустойчивости бытия, он, в соответствии со своей приверженностью христианству, сильнее призывает к терпению и смирению. Однако сентиментально меланхолический склад его мироощущения заставил его болезненней переживать драматизм существования и искать для него более поэтическое, эмоционально-лирическое воплощение. Больше, чем Шиллер, занят он музыкой стиха — и освобождает свой перевод от немногих прозаизмов и таких разговорных оборотов, как «завтра мы уже не можем» (Morgen können wir's nicht mehr — 13) или «опять все на родину» (Und zur Heimat geht es wieder — 1).

Не могу также вполне согласиться с мнением Л.П. Шаманской, будто Жуковский пошел дальше Шиллера, сосредоточив внимание на проблеме нравственного выбора и морального воздействия на читателя¹¹. И то и другое отчетливо выражено у Шиллера, хотя и не так мощно, как у его переводчика. Не новое значение придает его стихам Жуковский — он был для этого слишком хорошим переводчиком, — но находит для оригинала более глубокую лирическую форму выражения, возвещающую победу романтизма в Европе. В этом он стал учителем Пушкина, оставившего его незабываемый портрет:

А ты, глубоко вдохновенный,
Всего прекрасного певец,
Ты, идол девственных сердец,
Не ты ль, пристрастьем увлеченный,
Не ты ль мне руку подавал
И к славе чистой призывал?..¹²

К «славе чистой» действительно зовут стихи Жуковского, совпадая в этом с назначением музыки Шиллера. Так же, как вдохновлявший его всю жизнь немецкий поэт, ставший для него первооткрывателем, Жуковский умел переносить поэзию в жизнь, находить реальное бытовое воплощение ее символики. Таков был вошедший в историю жест Жуковского, когда он в минуту кончины Пушкина остановил стрелку часов возле его смертного ложа: не говоря ни слова, он сказал, что есть для России смерть самого великого ее поэта. Идея о том, что поэзия не сводима к слову как таковому, но заключена и в скрытом на первый взгляд, символическом его смысле, подчинены и Шиллер, и Жуковский.

* * *

Жуковского-переводчика единодушно одобряли современники и потомки, рядовые читатели, талантливые поэты, проникательные критики и теоретики. «Гением перевода» назвал Жуковского Пушкин, и это суждение приняли все выдающиеся литераторы.

С писателями сходятся во мнениях и ученые. «Для нас важно, — писал А.Н. Веселовский, — что Жуковский давал в чужом не только свое, но и всего себя»¹³. В.М. Жирмунский не раз указывает: Жуковский в своих поэтических переводах делает особенно ощутимым то, что близко его собственному восприятию жизни и эстетическим взглядам¹⁴, но не пренебрегает чужим.

Суть успеха Жуковского изучавшие его видели в парадоксе, в силу которого верность подлиннику («послушание оригиналу») рождает, высвобождает субъективность творческого «я» и создаваемых им стихов.

(Об этом писал едва ли не первый историк переводческой деятельности Жуковского Всеволод Чешихин¹⁵.) В результате, заключает Г.И. Ратгауз, «Жуковский создал в России поэтический перевод как законный и в принципе равноправный с другими жанр литературы... Его умение принимать чуть не любые лики и жить в них, чувствуя себя совершенно свободно, — все это до сих пор не превзойдено»¹⁶.

В наше время аналогичные мысли высказал в более сложной форме С.С. Аверинцев: «Заново творимое русское стихотворение» должно сделать своей формой чуждые его культуре черты, «заданные образцом чужеземного поэта, и сделать это так, чтобы эти черты определили русскую природу нового издания». Для Жуковского «именно переводческая практика была орудием эксперимента в родной литературе — вдохновлявшая его как явление природы, как путь приобщения к побеждающему на рубеже веков общеевропейскому романтическому движению»¹⁷.

Именно возрастающие романтические тенденции в творчестве Жуковского определяют его стилистические отклонения от Шиллера. Отмеченное усиление Жуковским поэтической, возвышенной лексики, его внимание к мелодичности, звонкости, напевности, к многократному повторению отсутствующих у Шиллера звучных греческих имен, большая эмоциональная насыщенность, настойчивое акцентирование мотивов терпения, гуманности, прощения, доброты, покорности судьбе, более явное лирическое обращение к эмоциям читателей — все это отличает перевод Жуковского от баллады Шиллера. Как уже сказано, отличие это отражает и возрастной разрыв между двумя поэтами, и эволюцию европейской литературы конца XVIII — начала XIX века. Ведь Жуковский родился в 1783 году, когда Шиллер уже успел прославиться; Шиллер, по замечанию А.Н. Веселовского¹⁸, прокладывал путь к романтизму, а Жуковский воплотил его очевидные черты.

Шиллер сосредоточен на объективном трагизме исхода кровавой борьбы, когда тяжелые утраты понесли обе стороны, и радость одних оборачивается скорбью других, между тем как подлинного смысла нет ни в скорби, ни в радости, ни в породивших их исторических событиях. Жуковский, верный воспроизведению этого неразрешимого конфликта, потрясен неизбывной печалью вовлеченных в него лиц, их внутренним миром и энергией чувств. Лирическая стихия гораздо ощутимее в его произведениях, в которых — в соответствии с поэтикой романтизма — раскрываются неотделимость восприятия от воспринимаемого, субъективного от объективного и, вопреки их единству, — трагедия души, превосходящая трагедию действительности.

---

¹ Жуковский В. А. О басне и баснях Крылова // Зарубежная поэзия в переводах В.А. Жуковского. М., 1985. Т. 2. С. 475.

² Там же. С. 477, 478, 481.

³ Там же. С. 478, 481, 495, 487.

⁴ Там же. С. 477.

⁵ Там же. С. 487. Как писал Жуковский Гоголю 20 января 1850 года: «У меня почти все чужое — и все, однако, мое». А Гоголь по этому поводу недоумевал: «Каким образом сквозь личности всех поэтов пронеслась его собственная личность?» (*Гоголь Н. В.* В чем же, наконец, существо русской поэзии и в чем ее особенность // *Гоголь Н. В.* Собрание сочинений: В 7 т. М., 1967. Т. 6. С. 377).

⁶ *Эткинд Е.* Русские поэты-переводчики от Тредиаковского до Пушкина. Л., 1973. С. 94—98.

⁷ Там же. С. 95.

⁸ Там же.

⁹ *Чуковский К.* Высокое искусство // *Корней Чуковский.* Собрание сочинений: В 15 т. М., 2001. Т. 3. С. 24

¹⁰ *Эткинд Е.* Цит соч. С. 98. См. также: *Тураев С. В.* Шиллер в переводах Жуковского // *Жуковский и русская литература конца 18—19 века.* М., 1989. С. 283—284, 289.

¹¹ *Шаманская Л. П.* Жуковский и Шиллер: поэтический перевод в контексте русской литературы: Монографическое исследование. М., 2000.

¹² *Пушкин А. С.* Евгений Онегин. Гл. 8 // *Пушкин А. С.* Полное собрание сочинений: В 10 т. Л., 1978. Т. 5. С. 461.

¹³ *Веселовский А. Н.* В. А. Жуковский. Поэзия чувства и сердечного воображения. СПб., 1904. С. 261.

¹⁴ *Жирмунский В. М.* Гёте в русской литературе. Л., 1981. С. 82, 85, 86, 88.

¹⁵ *Чешихин В.* Жуковский как переводчик Шиллера. Рига, 1895. С. 171. См. также: *Данилевский Р. Ю.* Шиллер и становление русского романтизма // *Ранние романтические веяния.* Л., 1972.

¹⁶ *Ратгауз Г. И.* Немецкая поэзия в России // *Золотое перо.* Немецкая, австрийская и швейцарская поэзия в русских переводах 1812—1970. М., 1974. С. 14—15; *Зарубежная поэзия в переводах В. А. Жуковского.* Т. 2. С. 557.

¹⁷ *Аверинцев С. С.* Размышления над переводами Жуковского // *Жуковский в литературе конца XVIII—XIX века.* М., 1988. С. 251—275.

¹⁸ *Веселовский А. Н.* Цит. соч. С. 261.

